

В 2018 г. исполнилось сто лет с окончания Первой мировой войны. Юбилей привлёк внимание к аспектам взаимодействия государств во время войны, которые в силу разнообразных причин ранее не были в фокусе пристального исследовательского интереса.

Патриотическому подъёму в странах Антанты в начале Первой мировой войны посвящена монография ответственного секретаря научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика» к.и.н. Н. В. Юдина. Монография, представляющая собой издание кандидатской диссертации автора¹, состоит из введения, четырех глав и заключения, списка источников и литературы.

С первых строк Введения автор обращает внимание читателей на то, что история Первой мировой войны как цивилизационного водораздела, до сих пор требующего научного осмысления, на долгое время ушла в тень, забылась, будучи заслоненной «новыми потрясениями — Октябрьской социалистической революцией, Второй мировой войной и их последствиями» (с. 5).

История «забытой» Первой мировой войны нуждается в новом «прочтении». Новизна книги Н. В. Юдина оправдана: «к настоящему моменту как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствует комплексное исследование феномена патриотического подъема во всех трех странах Антанты во время Первой мировой войны, притом что сама по себе эта проблематика характеризуется наличием целого ряда остро дискуссионных вопросов» (с. 20).

Ряд до сих пор привлекающих внимание историков вопросов, например степень ответственности и роль участников Первой мировой войны, сохраняют актуальность не в связи с отсутствием источников, а в связи с их «изобилием» (с. 27). Для нового осмысления Первой мировой войны, по мнению Н. В. Юдина, требуются новые междисциплинарные методологические подходы. Тематика монографии, связанная с пониманием механизмов формирования и проявления национальной идентичности, выстроена в логике междисциплинарного исследования и находится на стыке

истории, политологии, антропологии, социологии. Автор прав, призывая к освоению новых методологических приемов для более глубокого прочтения сохранившихся источников применительно к малоизученным, но вышедшим на первый план в современных историко-политических дискуссиях аспектам войны.

К таковому аспекту относится «человеческое измерение» войны, вокруг которого выстроена монография. Реакция общества на начало военных действий, ее эволюция в ходе войны помогает понять, как воспринималось государство и его интересы разными группами населения. В качестве ключевых понятий, задающих общий тон исследования, в монографии выступают понятия нации и национализма, патриотизма, общественного консенсуса и роли прессы. Во введении автор поясняет трансформацию смысловой нагрузки названных терминов в историографии и формулирует свой взгляд на эти величины. При определении понятий «нация» и «национализм» Н. В. Юдин подчеркивает их многомерность и размытость, тенденцию историков рассматривать их с позиций сегодняшнего дня, не учитывая «реалии изучаемого периода и изучаемой страны» (с. 10).

Другая категория, которой оперирует автор, — это патриотический подъём, который историк определяет «как ситуацию, когда патриотизм, чувство любви к родине превращаются в безусловные, абсолютные ценности, подчиняющие себе или подавляющие все другие ценности и свободы» (с. 11). Еще одна «переменная величина» — общественный консенсус, представляющий собой «согласованность (добровольную или вынужденную, осознанную или бессознательную) множества общественных мнений, составляющих картину настроений в обществе, по тому или иному вопросу внутренней и внешней политики» (с. 14).

Эти «переменные» дают автору возможность выстроить системную картину проявления национальной идентичности в условиях «экстремальной ситуации резкого перехода от мира к войне», ставшей «временем острого переживания и определения “себя” народами Европы, напряженной переоценки ими своих коллективных ценностей и идентичностей» (с. 6).

Американский философ Ф. Фукуяма, рассуждая о крепости национальной идентичности и провале формирования общеевропейского самосознания на современном этапе, обращал внимание на то, что «август 1914 года

¹ Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты (июль 1914 — май 1915): сравнительный анализ. (Автореферат канд. дисс. М., 2013)

ознаменовал конец европейской цивилизации — славной европейской цивилизации XIX века»². XIX в. был периодом относительного спокойствия для европейских народов: «В Британии, Франции, Бельгии и Нидерландах люди были воодушевлены краткими и победоносными войнами в колониях. Происходило завершение создания национальных государств»³. Отражением этого процесса стал всплеск патриотизма в начале войны, артикуляция чувства национальной принадлежности в форме дихотомии «мы — за правое дело» против «них — агрессоров».

Для изучения патриотических настроений и среза общественного мнения разных социальных слоев автор привлек широкий круг источников, среди которых основное место занимают архивные документы, пресса и мемуары. Историк провел большую работу по сбору источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Были использованы материалы архива французского Министерства иностранных дел, Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива. Были привлечены дипломатические и партийные документы, стенограммы заседаний представительных органов Англии, Франции и Российской империи. Представительную группу источников составили материалы средств массовой информации: газет «Новое время», «The Times», «Le Temps», «Le Figaro», «Le Matin». Автор широко использовал мемуары.

Выбор хронологических рамок исследования: июль 1914 — май 1915 г. — автор объясняет тем, что «именно этот сравнительно ограниченный отрезок времени, на который во всех воюющих обществах приходится наиболее характерные и яркие проявления патриотического подъема и общественного консенсуса, представляется особенно важным потому, что не только дает возможность проанализировать процесс складывания консенсуса по вопросу о войне и проследить внутреннюю эволюцию в отношении населения к войне, но и позволяет приблизиться к пониманию мировоззрения людей той эпохи в целом, что, в свою очередь, может послужить отправной точкой для изучения современных проблем мировой политики» (с. 15).

² Fukuyama F. The Challenges for European Identity. — URL: <http://www.theglobaljournal.net/group/francis-fukuyama/article/469/>

³ Односталко М. А. Французский национализм как основная причина участия Франции в Первой мировой войне. — Политэкс, 2014, т. 10, № 2, с. 136.

Мировоззренческие факторы в настоящее время играют заметную роль в международных отношениях — укорененные в сознании населения разных стран стереотипы или клише о себе и «других», помноженные на избирательную историческую память, оказывают серьезное воздействие на выработку внешней политики и способность государств к взаимодействию для отражения все новых угроз глобального характера (терроризма, миграции), «одиночный» ответ на которые уже не может быть эффективным в системе современных международных отношений.

Вопреки этим тенденциям, которые, казалось бы, подталкивают к совместным действиям, мы наблюдаем спустя более 100 лет после Первой мировой войны, как происходит углубление противоречий между объединенными когда-то в военно-политический блок Антанты государствами. Монография фактически ставит вопрос: а возможно ли преодоление этих межгосударственных противоречий, разных представлений друг о друге? Автор отвечает, что возможно: «одновременно наравне с отмеченными различиями в коллективных ценностях и способах самоидентификации в рассматриваемый период проявились и фундаментальная близость мировоззренческих установок, объединяющая правящие элиты всех трех стран Антанты» (с. 47).

Во имя чего нужно преодоление межгосударственных противоречий? В начале XX в. война рассматривалась не только как «возможное, но и как наиболее удобное средство решения накопившихся противоречий, а готовность применить военную силу — главным показателем соответствия того или иного государства статусу великой державы» (с. 47). Аналогичные вопросы возникают в наши дни — только вместо решения конфликтов в форме классических войн страны перешли к другим формам взаимного ослабления и уничтожения, например информационным войнам, на службу которых поставлена история и историческая память.

Первая мировой война не сгладила, а на время обострила глубоко укорененные представления друг о друге, высветила неожиданные грани национальных характеров. Представители левых партий, объединенных Вторым Интернационалом, накануне войны стояли на антивоенных позициях и отстаивали лозунги интернациональной солидарности. Первая мировая война разрушила, во всяком случае на какое-то время, иллюзии социал-демократов о возможности использования войны для свержения существующего строя и построения бесклассового наднационального государства. Лидеры западноевропейских

левых движений стали призывать рабочих к поддержке своих правительств и защите своих государств. В этих призывах практически не было нужды: война началась с массового патриотического подъема.

Выработка общественного консенсуса на уровне политического класса, представители которого оказались поглощенными закулисными интригами, происходила непросто. «Даже взгляды представителей правящих элит в странах Антанты накануне Июльского кризиса 1914 г. отличались противоречивостью и разнородностью, основываясь на разном понимании государственных интересов; даже применительно к политическим элитам не представляется возможным говорить о некоем едином общественном мнении по вопросам внешней политики» (с. 31).

О направленности сложных политических процессов, связанных с формированием общественного консенсуса, свидетельствуют материалы прессы, отражающие разные политические взгляды. Роль средств массовой информации (СМИ) с началом войны заметно выросла, особенно если учесть, что, например, в Великобритании в связи с отсутствием всеобщей воинской повинности мобилизация населения прямо зависела от отношения граждан к войне. Для формирования «правильного» общественного мнения в Англии, как и во всех других воюющих странах, были приняты «законы, жестко ограничивающие свободу слова и ставившие прессу под контроль правительства. Этот процесс сопровождался чрезвычайно болезненной ломкой традиционных представлений о месте и роли печати в общественной жизни и ее отношениях с властью» (с. 87). Уже в ходе Июльского кризиса 1914 г. проявилась специфика положения и роли СМИ в той или иной стране. Так, «во всех трех странах Антанты в отношениях между правящими элитами и СМИ тон задавали представители военных ведомств, которые на практике не имели опыта взаимодействия с прессой, да и не испытывали особого желания налаживать с ней контакт» (с. 89).

С переходом войны в затяжную стадию контролировать прессу и направлять общественное мнение стало непросто: «миг всеобщего воодушевления, единения перед лицом внешней угрозы был недолгим. Весна 1915 г. характеризовалась кардинальным изменением в отношении к войне со стороны правящих элит и широких слоев общества в странах Антанты» (с. 14). В этих условиях царивший в воюющих государствах патриотический подъем сменился упадническими настроениями и усталостью. Появлению кризисных тенденций в политике «священного единения» в странах Антанты

способствовал крах надежд на скорое завершение войны (с. 169). Правящие классы стран Антанты оказались не готовы к такому повороту событий: «Во всех трех странах лозунги "священного единения" и "партийного перемирия", провозглашенные в августе 1914 г., стали соблюдаться лишь формально» (с. 189).

Анализ источников и литературы, на которых строится монография, привел автора к выводу, что для поколения «европейцев 1914 г. самоидентификация в качестве "француза", "англичанина", "немец" была гораздо важнее, чем принадлежность к той или иной партии, классу или течению. Патриотизм и национализм оказались для большинства представителей европейских политических и интеллектуальных элит (в том числе левых) не абстрактными понятиями, а абсолютными ценностями, нравственными императивами, побуждающими их записываться добровольцами в действующие армии, рисковать собственными жизнями» (с. 190).

В Заключении автор еще раз акцентирует внимание на том, что патриотический подъем в странах Антанты действительно был, «это не выдумка пропагандистов и политиков» (с. 230). Сила этого подъема в разных странах оказалась различной, степень национального самосознания заметно различалась. Британская и французская модели идентичности, согласно выводам автора, представляли собой более «продвинутые» варианты по сравнению с российской моделью: «в Англии и Франции в основе коллективной самоидентификации всех слоев общества лежали глубоко укоренившиеся представления о национальной идентичности, национальное по своей сути, коллективное восприятие» (с. 233). Иной была ситуация в России: «В отличие от гомогенных в культурном отношении западноевропейских государств, Российская империя продолжала оставаться разноукладным, разнокультурным обществом. Россия лишь начинала осваивать опыт национального строительства передовых стран того времени... Национализм как основа коллективных идентичностей не был характерен даже для всех групп политической и интеллектуальной элиты империи» (с. 234).

Вероятно, это обстоятельно и предопределило судьбу России, ее выход из войны и революционную смену власти. Первая мировая война показала, что в Российской империи национальная идентификация с государством, царской династией Романовых носила слабый ситуативный характер. Для большинства населения монархия и самодержавие уже не являлись теми ценностями, за которые они собирались бороться до последней капли крови. Нерешенность социальных, экономических

вопросов, отсутствие политической воли у руководства страны сделали проигрыш в войне и революционный подъем лишь вопросом времени.

Первая мировая война в этом смысле показательна — хотя в те времена не ставились вопросы исторической памяти и тем более не использовался термин «национальная идентичность», фактически значение этой войны важно с точки зрения анализа этих категорий. Исследование Н. В. Юдина открывает новые горизонты и поднимает ряд фундаментальных вопросов, касающихся национального самосознания как инструмента для сплочения населения, укрепления государства, преодоления мировоззренческих клише, разного

понимания государственных интересов у разных групп населения.

Издание может быть полезно читателям, интересующимся историей Первой мировой войны, военно-политических блоков, историей Европы и международных отношений, всем, кто занимается углубленным изучением частных сюжетов, связанных с «человеческим измерением» войны, исторической памятью и национальным самосознанием.

Е. В. Хахалкина,

доктор исторических наук,
профессор Национального исследовательского Томского государственного университета

А. А. Калинин. НА ПЕРЕДНЕМ РУБЕЖЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: США, СССР И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ГРЕЦИИ (1944–1949 гг.). Киров: Научное издательство Вятского государственного университета, 2018, 616 с.

Региональные аспекты генезиса биполярной конфронтации СССР и США активно изучаются на постсоветском пространстве, однако международные аспекты гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. не становились предметом комплексного исследования. В этом плане работа доцента Вятского государственного университета к.и.н. А. А. Калинина является одной из прорывных.

Замысел автора состоит в том, чтобы в связи с процессом «холодной войны» на основе архивных и опубликованных документов «представить системную картину эволюции американской и советской политики в отношении Греции периода формирования конфликтной ситуации в стране (1944–1946 гг.) и во время гражданской войны (1946–1949 гг.)» (с. 51). Монография удачно заполняет имевшийся в постсоветской исторической науке пробел, связанный с изучением международных аспектов гражданской войны в Греции второй половины 1940-х годов. Среди первых кризисов «холодной войны» греческий в историографии оказывается в тени иранского и турецкого. В то время конфликт в Греции стал первой «горячей» войной в Европе после 1945 г.

Новой для постсоветской исторической литературы является постановка научной проблемы исследования внутреннего конфликта в Греции 1940-х годов в широком международном контексте. Это позволяет рассмотреть региональное (отношения Греции с северными соседями) и глобальное (воздействие на глобальную стратегию США, обсуждение в ООН) измерения греческого вопроса. Гражданскую

войну в Греции А. А. Калинин успешно вписывает в процесс генезиса «холодной войны». Интернационализация греческого конфликта привела к серьезному осложнению отношений Запада и Востока, хотя по масштабам и влиянию на международные отношения он уступал гражданской войне в Испании.

В западной историографии гражданская война в Греции изучается на протяжении десятилетий. А. А. Калинин, проявляя высокую исследовательскую культуру, провел фундаментальную научную экспертизу имеющихся трудов, написанных греческими, американскими, британскими, австралийскими и болгарскими исследователями. Не оставлена без внимания научная ценность ни одного из значимых трудов, учтены оригинальные авторские концепции. В советской историографии работы по греческой гражданской войне были конъюнктурными, отражая текущую точку зрения компартий Греции и Советского Союза. В постсоветский период истории изучали, главным образом, деятельность греческих коммунистов и их взаимодействие с аппаратом ЦК ВКП(б). Тем самым, имелаась насущная потребность в подготовке комплексного исследования, раскрывающего как внутренние, так и внешние аспекты греческого конфликта в опоре на новую источниковую базу и написанного с учетом новейшей западной историографии.

Исследование ведется «на стыке» американистики, балканистики и истории СССР. Автор рассматривает малоизученные аспекты истории гражданской войны в Греции,